

E 81/115

СЛОВО

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ПЕРВЕНСТВУЮЩАГО ЧЛЕНА

СВЯТѢЙШАГО СѴНОДА,

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО

АНТОНІЯ,

МИТРОПОЛИТА НОВГОРОДСКАГО, САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО, ЭСТЛЯНДСКАГО И ФИНЛЯНДСКАГО,

И

РАЗНЫХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРА,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ

ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ ИННОКЕНТІЕМЪ,

Архіепископомъ Херсонскимъ и Таврическимъ,

ВЪ АЛЕКСАНДРОНЕВСКОЙ ЛАВРѢ,

1848 ГОДА НОЯБРЯ 19 ДНЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Сѵнодальной Типографіи.

1848 года.

По благословенію Святѣйшаго Сѵнода.

СЛОВО

при погребеніи Первенствующаго Члена Святѣйшаго Сунода, Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Митрополита Новгородскаго, Санктпетербургскаго, Эстляндскаго и Финляндскаго.

Поминайте Наставники ваша, иже глаголаша вамъ Слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ. Слова Св. Павла. Евр. XIII, 7.

Повинуясь заповѣди Апостола Христова, обозрѣваю земное поприще почившаго въ Бозѣ Архипастыря; иду за нимъ по всѣмъ стезямъ его жизни; восхожу вмѣстѣ съ нимъ на высоту, и нисхожу долу,—и что вижу? вездѣ вижу слѣды особеннаго Промысла Божія, ознаменовавшаго себя въ жизни Почившаго разительною противоположностію путей своихъ.— Съ одной стороны представляется въ ней необыкновенная высота сана и званія, о коей Почившій большую часть жизни своей не могъ и помышлять; съ другой—рядъ тяжкихъ неду-

говъ, кои, казалось, навсегда устранены были самою крѣпостію его тѣлосложенія. Если кто, то онъ, подобно Давиду, не обинуясь, могъ сказать о себѣ: *малъ бѣхъ въ братіи моей, и кто возвѣститъ Господеви моему? Самъ Господь, самъ услышитъ; и посла Ангела своего и взятъ мя* (а). Если кто, то сей же Пастырь могъ взывать потомъ ко Господу словами Давидовыми: *спаси мя, Боже, яко внидоша воды до души моея* (б). *Одержаша мя болѣзни смертныя* (в). *Пострадахъ и слякохся до конца* (г). *Изсше, яко скудель крѣпость моя; языкъ мой прильпе гортани моему* (д); *свѣтъ очію моею и той нѣсть со мною* (е). *Въ персть смерти свелъ мя еси* (ж)!

При такой разительной противоположности земнаго жребія своего, Почившему надлежало имѣть сугубую силу духа: одну дабы не поникнуть подъ неожиданною высотою сана и званія своего, другую—дабы мужественно перенести тяжесть столь же неожиданнаго, какъ и продолжительнаго недуга. И, благодареніе Господу, онъ имѣлъ эту сугубую силу!—Златый

(а) Псал. CVIII, 1. (б) Псал. LXVIII, 1. (в) Псал. XVII, 5. (г) Псал. XXXVII, 7. (д) Псал. XXI, 17. (е) Псал. XXXVII, 11. (ж) Псал. XXI, 16.

кидаръ Первосвятителя ничѣмъ не помраченъ на главѣ Почившаго: ложе многострадальнаго Іова ни разу не огласилось воплемъ ропота и малодушія. Въ мрачные дни печали, какъ и въ свѣтлые дни радости, являлась одна и та же вѣра, николиже сомнящаяся, и одна и та же любовь, *николиже отпадающая* (а). И вотъ, брат., урокъ, который, можно сказать, самъ собою выходитъ для всѣхъ насъ изъ гроба сего—урокъ вѣры и терпѣнія, смиренія и преданности Богу!

Какъ бы желательно было, чтобы поучительный урокъ сей изложенъ былъ теперь предъ нами однимъ изъ тѣхъ лицъ, коимъ извѣстны всѣ событія въ жизни почившаго Пастыря, предъ коими раскрывались тайны его души и сердца! Но, поелику печальный жребій священнодѣйствія слова возлегъ на насъ, кои не можемъ хвалиться подобнымъ знаніемъ и кои вообще способнѣе удивляться путямъ Божіимъ въ жизни человѣческой, нежели изображать ихъ словомъ человѣческимъ: то, воодушевившись силою заповѣди Апостольской, повелѣвающей по-

(а) 1 Кор. XIII, 8.

минать Наставниковъ и Пастырей, сдѣлаемъ, что можемъ: пройдемъ кратко, въ духѣ вѣры и любви, по пути жизни Почившаго. Такимъ образомъ онъ самъ, не смотря на свой сонъ смертный, еще разъ—дѣяніями своей жизни—будетъ для насъ Учителемъ и Наставникомъ.

Не безъ причины замѣчаютъ, что у людей съ особеннымъ предназначеніемъ самое младенчество окружено бываетъ нерѣдко знаменательными событіями. Если бы не краткость времени, то и мы могли бы разсказать вамъ о подобныхъ событіяхъ изъ самыхъ раннихъ дней жизни почившаго Пастыря, такихъ событіяхъ, кои невольно привели бы вамъ на память дивную судьбу Самуила, когда онъ, еще будучи отрокомъ, привиталъ въ Скиніи Свидѣнія. Кто бы, напр., могъ вообразить, что онъ, еще младенцемъ, не разъ былъ приносимъ родителемъ своимъ во храмъ, и, во время утреннихъ молитвословій, мирно почивалъ у самаго подножія Престола Божія?—Между тѣмъ да послужитъ сіе къ успокоенію тѣхъ, коимъ судьба Почившаго можетъ казаться исполненною рѣзкихъ внезапностей. Нѣтъ, судьба возлюбленной Не-

вѣсты Христовой, Церкви святой, коея онъ былъ Первосвятителемъ, никогда не можетъ подлежать случаю и внезапности! Кто стяжалъ ее не сребромъ и златомъ, а безцѣнною кровію Своею, Тотъ не воздремлетъ, ниже уснетъ, храняй ее. Яко всевѣдущій, Онъ твердо знаетъ, когда нужно послать въ Первосвященники ея Аарона, когда Финееса, когда Эздру, когда другаго кого либо изъ сыновъ Пророческихъ, и заранѣе Самъ уготовляетъ избранныхъ на дѣло служенія Пастырскаго.

Справедливость требуетъ сказать одно то, что большая часть жизни Почившаго была подобна рѣкамъ, кои долго текутъ между брегами пустынными, довѣдомыя немногимъ, хотя обиліемъ водъ своихъ могли бы служить на пользу цѣлыхъ странъ. Въ самомъ дѣлѣ, что видимъ мы? Въ началѣ (и немалое время) Пастырь небольшаго словеснаго стада, Наставникъ въ незнаменитомъ, хотя важномъ по своему назначенію, вертоградѣ наукъ; потомъ Предстоятель собратій по званію, потомъ Блюститель порядка и благочинія Церковнаго, потомъ мужъ совѣта въ управленіи Епархіальномъ, по-

томъ Истолкователь закона и нравственности для благороднаго юношества: вотъ разные виды служенія, среди коихъ протекла большая часть жизни Почившаго! Служенія не именитыя, если сравнивать ихъ съ послѣдующими, но именно такія, на коихъ можно было собрать драгоцѣнный запасъ всякаго рода опытовъ изъ жизни человѣческой, ознакомиться со всѣми нуждами Церкви, Пастырей и пасомыхъ, дабы потомъ, по примѣру Св. Павла, быть *всѣмъ вся* (а). Самая строгая справедливость требуетъ сказать при семъ, что каждое изъ мѣстъ, на кои становился Почившій, тотчасъ возвышалось отъ лица его и обращало на себя общее вниманіе: не только пасомые симъ Пастыремъ, не только собратія по званію, не только Начальники и Архипастыри, самые иновѣрцы почитали его однимъ изъ рѣдкихъ людей своего края.

Да послужитъ и сіе въ урокъ и утѣшеніе тѣмъ, кои позволяютъ себѣ малодушно сѣтовать на невысокую долю своего званія и служенія. Человѣкъ истинно-достойный видѣнъ во всякомъ

(а) 1 Кор. IX, 22.

званіи, высокъ на каждомъ мѣстѣ. И стократъ лучше, когда человѣкъ выше мѣста, нежели когда мѣсто выше человѣка.

Между тѣмъ будущая судьба Почившаго, не смотря на всеобщее уваженіе къ нему, все еще оставалась подъ крѣпкою печатію: и печать сія могла вскрыться не прежде, какъ послѣ ужасной бури, потрясшей страну, имъ обитаемую, изъ края въ край. Вы знаете, откуда пришла, какъ разразилась и чѣмъ окончилась эта буря. Для нашей цѣли довольно сказать, что Святая Церковь, вмѣстѣ съ Отечествомъ, вышла изъ кровавой борьбы съ новою силою и новою славою. Отторгнутая превратностію временъ, древняя Обитель Почаевская возвращается въ составъ родной Іерархіи.... Среди столицы умиренной Польши, въ знаменіе первобытнаго духовнаго союза, водружается каѳедра Православнаго Святителя....

Въ сіе-то время, когда такъ нужны были бодрые и благіе дѣлатели въ вертоградѣ Церкви, Почившій въ Бозѣ Пастырь, какъ-бы по особенному мановенію свыше, оставляетъ навсегда жизнь среди міра и всецѣло посвящаетъ себя

на служеніе Церкви въ званіи иноческомъ. Казалось, это была пристань послѣ треволненій моря житейскаго: между тѣмъ здѣсь, въ этой пристани и началось для него великое и разнообразное плаваніе духовное.

Зная отличныя достоинства Почившаго, Пастырь Церкви Волынской не медля поемлетъ его себѣ въ сотрудники въ дѣлѣ благоустроенія Святой Обители Почаевской. Недолго—по времени—продолжалось это святое сотрудничество; но слѣды и плоды его останутся навсегда. Одни изъ средствъ къ благостоянію Лавры угаданы и открыты, другія обновлены и усилены, третіи очищены и облагорожены, и всѣ направлены къ надлежащей цѣли.

Скоро открылось для Почившаго другое, высшее и труднѣйшее поприще, на коемъ надлежало уже не содѣйствовать только и усовершать, а полагать основаніе, подавать примѣръ и руководить всѣхъ и каждаго. Для новоустрояемой Церкви Варшавской потребовался первый Святитель. Всѣ чувствовали важность новаго поприща; всѣ желали будущему дѣлателю успѣха на немъ. Но, кто сей избранникъ,

имѣющій явиться съ знаменіемъ мира и любви отъ лица Церкви Всероссійской къ Церкви Польской?—Почившій, по самой недавности новаго званія своего, казался далѣе другихъ отъ сего святаго, но многотруднаго посольства. И вотъ, сверхъ чаянія и его и другихъ, оно поручается не иному кому, а ему именно, такъ что онъ еще тогда могъ со всею точностію приложить къ себѣ слова Св. Давида: *малъ бѣхъ въ братіи моей; и кто возвѣститъ Господеви моему? Самъ Господь, Самъ услышитъ. И посла Ангела своего и взятъ мя.* Зрѣлище умилительное! Тотъ, кто такъ недавно оставилъ суету мірскую и весь шумъ градовъ, ища покоя душѣ своей подъ кровомъ святой Обители, внезапно долженъ взять на рамена свои тяжесть званія Святительскаго и явиться представителемъ цѣлой Церкви Православной. Гдѣ явиться? Не среди обыкновеннаго града, а посреди величавой столицы, которая, въ слѣдствіе несовершенно прошедшаго еще недуга, готова была, по выраженію Пророка (а), свѣтъ называть тьмою и тьму свѣтомъ. Сколько требовалось опытности,

(а) Исаіи XVII, 20.

прозорливости, терпѣнія и великодушія, чтобы только благоуспѣшно начать, не говорю уже благополучно кончить дѣло свое!—Надлежало, подобно Неемін, одною рукою созидать стѣны Сіона, а другою отражать навѣты противныхъ (а). Почившій умѣлъ скоро найти тайну побѣды: потому что искалъ ее не въ темныхъ глубинахъ мудрости мірской, а въ Евангеліи и собственномъ сердцѣ. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать силою, онъ началъ дѣйствовать любовію; и любовь произвела то, чего никогда не могла бы сдѣлать сила. Не прошло года, и тѣ, коимъ Православный Архипастырь казался опаснымъ пришельцемъ, съ радостію признали въ немъ не только достойнаго Святителя, но и мудраго для нихъ самихъ совѣтника, и любвеобильнаго помощника, и кроткаго миротворца. Удивительно ли послѣ сего, если Державный взоръ Монарха такъ часто и съ такою любовію началъ обращаться на того Пастыря, который умѣлъ побѣдить столько трудностей и заслужить душевное уваженіе даже отъ взыскательныхъ сыновъ Церкви Западной?—Успѣхи служенія его были радостію и честію

(а) Неем. IV, 17.

для всей Церкви Православной, для всего Отечества; и если бы онъ не сдѣлалъ ничего болѣе, то за одни труды его для Церкви Варшавской, коея онъ былъ основателемъ и украшеніемъ, имени его слѣдовало быть вписаннымъ между именами Святителей—*приснопамятныхъ*.

Между тѣмъ и здѣсь не конецъ подвигамъ. Явится еще разъ Ангелъ, еще разъ, и столь же неожиданно, возметъ его съ своего мѣста, и поставитъ на новомъ, высшемъ. Этотъ Ангелъ, какъ и прежде, былъ Помазанникъ Божій, коего сердце, по увѣренію Пророка, выну *въ руцѣ Божіей* (а). Онъ рекъ Державнымъ гласомъ Своимъ; и жезлъ Первосвятительства, который не безъ труда носили Гавріилы, Амвросіи, Михаилы, Серафимы, преходитъ въ руки Почившаго!... Назначеніе высокое! но можно ли было безъ тяжкой борьбы душевной принять на рамена свои тяжесть Пастыреначальства, къ духовному попеченію и надзору коего принадлежитъ, можно сказать, вся Церковь Православная? Можетъ быть стократъ Почившій взывалъ въ душѣ своей ко Господу: и кто есмь азъ, Господи, яко

(а) Прит. XXI, 1.

возглаголалъ еси тако о рабѣ Твоемъ?—Но, покорный судьбамъ Промысла, онъ, хотя уже съ ослабѣвшими отъ трудовъ и недуга силами, бодрственно является на новой духовной стражѣ. И какъ начинаетъ ее?—Какъ-бы бдѣлъ и подвизался еще только въ первый разъ. На что не обратилось тотчасъ его пастырское вниманіе и попечительность, начиная отъ сего храма и сей обители?—Кому изъ слышавшихъ не памятны тѣ умилительныя чувства, коими исполнено было первое слово его къ сему граду, при вступленіи на Паству? Съ какимъ усердіемъ спѣшили въ тотъ храмъ, гдѣ совершалъ онъ Богослуженіе, окруженный не столько величіемъ своего сана, сколько доблестію Пастыря—Отца? На чьей главѣ изъ присутствовавшихъ во храмѣ, какъ бы она ни была проста и мала, не опочило его благословеніе?—Утѣшаясь таковыми дѣйствіями пастырскими, невольно воспоминали многіе, что маститый Предшественникъ его, какъ-бы въ духѣ прозрѣнія духовнаго, не другому кому, а ему единственно, вскорѣ по посвященіи его во Епископа Варшавскаго, преподалъ въ отеческое напутіе и свой златый ки-

даръ и свой жезлъ Первосвятительскій. И такъ благоуспѣшно дѣйствовано при здравіи уже полуразрушенномъ, съ силами, видимо оскудѣвающими отъ недуга! Сколько бы еще можно было послѣ сего ожидать отъ дальнѣйшей пастырской дѣятельности Почившаго, если бы ему дано было раскрыться предъ послѣднею паствою своею вполнѣ и окончить поприще свое подобно другимъ?—Но елей жизни видимо и быстро оскудѣвалъ въ свѣтильникѣ отъ самой яркости прежняго свѣтенія. Немощная плоть не могла постоянно и до конца слѣдовать за порывами и напряженіемъ духа бодраго и неусыпнаго.—Наступило послѣднее поприще болѣзни и злостраданій.

Что сказать о немъ? Сожалѣть и печалиться, или паче благодарить и за него Господа?—При одрѣ болящаго нельзя было не совоздыхать; а при гробѣ Почившаго не только можно, но и должно возблагодарить и утѣшиться духомъ. Почему? Потому что для поврежденной грѣхомъ природы нашей болѣзни и недуги вообще суть одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ очищенію и освобожденію

духа изъ-подъ владычества плоти и крови, такъ что, какъ говоритъ Св. Павелъ, *аще и внѣшній человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (а). Для тѣхъ даже, въ коихъ положено уже твердое основаніе къ добру, кои провели жизнь въ посильномъ исполненіи заповѣдей Божіихъ, кои за свои труды и вѣрность закону и совѣсти удостоились дарованій духовныхъ, даже для таковыхъ людей болѣзни, самыя тяжкія, никогда не составляютъ излишества, а напротивъ служатъ нерѣдко вмѣсто того крещенія огнемъ, о нуждѣ коего для нашего духовнаго пакибытія засвидѣтельствовалъ Предтеча Христовъ, когда вѣщалъ ученикамъ своимъ о Спасителѣ: *Той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* (б).

Дано было испытать и пройти это крещеніе огнемъ и Почившему въ Бозѣ Пастырю. Не о дняхъ и недѣляхъ, а о цѣлыхъ послѣднихъ годахъ жизни своей онъ могъ, подобно Апостолу, сказать: *сами въ себѣ осужденіе смерти*

(а) 2 Кор. IV, 16.
(б) Мат. III, 11.

имѣхомъ (а); то есть, мы чувствовали уже надъ собою приговоръ къ смерти и видѣли какъ-бы по частямъ его исполненіе. И для чего чувствовали и видѣли это надъ собою? *Да не надѣющеся*, какъ изъясняетъ Апостолъ, *будемъ на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя* (б). И дѣйствительно, у Почившаго, особенно въ послѣдніе мѣсяцы недуга, всѣ надежды видимо перенесены были отъ людей къ Единому Богу, и постоянно было въ виду востаніе уже не съ одра болѣзни, а изъ утробы земной—въ день всеобщаго воскресенія.— Было, было отъ чего поколебаться самому твердому духу! Но, благодареніе Господу! проникнутый живою вѣрою, духъ Почившаго пребылъ твердъ! Когда другіе ободряли его надеждами на земли, онъ возводилъ очи къ небу. Когда окружающіе изъявляли скорбь и сожалѣніе, онъ, если не языкомъ и устами, то взоромъ вѣщалъ: *аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ* (в)? *Буди имя Господне благословено во вѣки* (г)!

(а) 2 Кор. I, 9.
(б) Тамъ же.
(в) Іов. II, 10.
(г) Тамъ же I, 21.

Такимъ образомъ одръ болящаго былъ поучителенъ не менѣе каѳедры проповѣдующаго.

Но, вотъ наконецъ и поприще недуга кончено! Ветхое рубище плоти сложено навсегда! Мрачныя врата смерти пройдены! Остается безсмертному духу явиться предъ престоломъ Вѣчнаго Судіи и дать отчетъ о *приставленіи домовнѣмъ*.....

Да, брат. мои, *опредѣлено есть*, скажемъ и мы словами Св. Павла, *опредѣлено есть человѣкомъ единою умрети, потомъ же судъ* (а), судъ уже не человѣческій, часто неправильный и всегда неполный, потому и неимѣющій совершенно рѣшительныхъ послѣдствій, а судъ Божій, проницающій сердца и утробы, взвѣшивающій самое *несодѣянное* (б) наше, коего слѣдствіемъ потому для человѣка есть или жизнь и блаженство вѣчныя, или отверженіе и мука нескончаемая. Кто бы изъ насъ могъ устоять на судѣ семъ, если бы о страну Судіи не было за насъ Всемогущаго Ходатая и Заступника, Единороднаго Сына Божія, съ Его всепримиряющимъ крестомъ и всеочищаю-

(а) Евр. IX, 27.
(б) Псал. LIV, 12.

щею кровію?—Да вознесутся же къ сему Божественному Ходатаю молитвы отъ всѣхъ и каждаго изъ васъ, братія, о успокоеніи души почившаго Архипастыря и объ отпущеніи вольныхъ и невольныхъ его грѣхопаденій! Да помолится отъ сердца каждый: ибо Почившій, яко Пастырь града сего, не о себѣ токмо, но и о каждомъ изъ васъ долженъ свидѣтельствовать на судѣ Божіемъ!

Гряди съ миромъ, доблій подвижникъ Вертограда Христова, въ послѣдній путь твой! Приложись къ сонму Святителей, украшавшихъ собою и служеніемъ своимъ державный градъ сей! Возвѣсти имъ, что Православная Церковь Россійская, утверждаясь на краеугольномъ камени вѣры въ Единороднаго Сына Божія, стоитъ непоколебимо и восходитъ отъ силы въ силу!—

А мы, брат. моя, препровождая въ нѣдра земли гробъ сей, возмемъ отъ него въ напутствіе себѣ на всю жизнь если не что другое, то—память о нашей смерти: ибо нѣтъ сомнѣнія, что давно растутъ, а можетъ быть уже и подъ рукою сѣкущаго, тѣ древа, изъ коихъ будетъ устроенъ и нашъ гробъ. Аминь.

